

ПРАЖСКАЯ ВЕСНА 1968 Г. И РАЗНОГЛАСИЯ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ЛАГЕРЕ*

Александр Сергеевич Стыкалин —

кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: zhurslav@gmail.com

Аннотация

В статье анализируются разногласия среди лидеров социалистических стран по вопросу об отношении к Пражской весне и августовской интервенции пяти стран восточного блока 1968 г. в Чехословакию. Хотя в Москве пытались представить силовую акцию по подавлению чехословацкого эксперимента как проявление общей заботы о «спасении» социалистических завоеваний в одной из стран блока, она не получила, хотя и по разным причинам, полной поддержки даже тех стран, которые входили в Организацию Варшавского договора (против нее выступили Румыния, а также Албания, уже давно дистанцировавшаяся от восточного блока). С колебаниями ее восприняло руководство Венгрии. Кроме того, коллективная акция от 21 августа не была поддержана второй коммунистической державой мира — Китаем — и влиятельной внеблоковой социалистической страной — титовской Югославией. В статье уделено главное внимание позиции Румынии и Югославии и связанным с этим проблемам советско-румынских и советско-югославских отношений. Автор показывает, что разногласия по чехословацкому вопросу, хотя и сохранялись, но к началу 1970-х гг. уже не сильно отягощали советско-югославские отношения. Что касается Румынии, где реально опасались аналогичного военного вмешательства, то ее лидер Н. Чаушеску уже осенью 1968 г. предпринял первые меры в целях нормализации отношений с СССР.

Ключевые слова

Августовская интервенция пяти стран-членов Организации Варшавского договора, Чехословакия, Югославия, Румыния, Л.И. Брежнев, Й. Броз Тито, Н. Чаушеску, Я. Кадар

Статья поступила в редакцию 24 апреля 2019 г.

Цитирование: *Стыкалин А.С.* Пражская весна 1968 г. и разногласия в социалистическом лагере // *Славянский мир в третьем тысячелетии.* 2020. Т. 15. № 1–2. С. 89–107.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-09-00573: Москва и Восточная Европа: Югославская модель социализма и страны советского блока, 1950–1960-е гг.). В основе статьи лежит русскоязычная версия доклада на английском языке, зачитанного на международной конференции «August 1968. Opera-cia Dupaj» (Братислава, 20–21 сентября 2018 г.).

PRAGUE SPRING OF 1968 AND DISAGREEMENTS IN THE SOCIALIST CAMP

Alexandr S. Stykalin,

Ph.D, Lead Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospekt 32A,
Moscow, 119334 Russia
E-mail: zhurslav@gmail.com

Abstract

The article analyses the different views of the leaders of the socialist countries on the Prague Spring and the August 1968 intervention of five countries — members of the Warsaw Pact — in Czechoslovakia. Although Moscow tried to present the military action to suppress the Czechoslovak experiment as a manifestation of common concern for the “salvation” of Socialism in one of the countries of the bloc, the intervention did not receive, for various reasons, the full support of even all those countries that were members of the Warsaw Pact (Romania opposed it, as well as Albania, who had long distanced itself from the eastern bloc). The Hungarian leadership supported the collective action with hesitation. The intervention of 21st August was not supported by the second communist power of the world — China — and the influential non-aligned socialist country — Titoist Yugoslavia. Special attention is paid to the attitudes of Romania and Yugoslavia, which caused new problems in Soviet-Romanian and Soviet-Yugoslav relations. Although disagreements on the Czechoslovak question persisted, by the beginning of the 1970s, Soviet-Yugoslav relations, as the author shows, did not deteriorate further. As for Romania, where they feared a similar military intervention, its leader N. Ceaușescu as early as in the autumn of 1968 took the first measures to normalize relations with the USSR.

Keywords

Prague Spring of 1968, August 1968 intervention of five member countries of the Warsaw Pact in Czechoslovakia, Czechoslovakia, Yugoslavia, Romania, Leonid Brezhnev, Josip Broz Tito, Nicolae Ceaușescu, János Kádár

Received 24 April 2019.

How to cite: Stykalin, A.S., 2020. Prazhskaia vesna 1968 g. i raznoglasiia v sotsialisticheskom lagere [Prague Spring of 1968 and Disagreements in the Socialist Camp]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 15, no. 1–2, pp. 89–107.

Разрабатывая план ввода войск в Чехословакию в целях отстранения от власти реформаторской команды А. Дубчека и пресечения демократических процессов, широко развернувшихся в стране, брежневское руководство СССР первоначально стремилось осуществить сценарий, схожий с тем, что был реализован при подавлении венгерского восстания в ноябре 1956 г. Речь идет о приведении к власти альтернативного, приемлемого для Москвы и находящегося под ее полным контролем правительства.

Известно, что в конкретных чехословацких условиях августа 1968 г. этот проект сорвался. Вопреки неадекватным расчетам советского посольства в ЧССР, на протяжении многих месяцев дававшего в Москву иска-

женную картину общественных настроений в стране и соотношения сил в руководстве коммунистической партии Чехословакии (КПЧ), так называемые здоровые силы (т.е. противники обновления системы, сопротивлявшиеся реформам) так и не сумели добиться большинства в Президиуме ЦК КПЧ, президент Л. Свобода отказывался признавать любое марионеточное правительство «друзей Москвы». Как Национальное собрание ЧССР, так и открывшийся в условиях интервенции XIV (высочанский) съезд КПЧ осудили акцию. На ее незаконный характер указал и представитель Чехословакии на заседании Совета Безопасности ООН, где 21 августа состоялись жаркие дебаты¹. Поскольку вариант с приведением к власти новой команды по венгерскому (1956 г.) образцу не сработал, тактику пришлось менять на ходу. Уже в опубликованном в самый день интервенции, 21 августа, заявлении ТАСС было указано, что с просьбой об «оказании неотложной помощи, включая помощь вооруженными силами», обратилось не сформированное новое правительство (как это было в случае с Венгрией в 1956 г.), а неназванные партийные и государственные деятели ЧССР. Вывезенных в СССР под конвоем членов руководства КПЧ А. Дубчека, Ф. Кригеля, Й. Смирковского, О. Черника, Й. Шпачека и Б. Шимона пришлось усадить за стол переговоров в числе представителей чехословацкой стороны и начать обсуждать с ними возможности выхода из той ситуации, которая сложилась в результате вторжения армий пяти стран-членов Организации Варшавского договора (ОВД). В результате им был навязан ряд жестких условий, нашедших отражение в опубликованном 28 августа двустороннем советско-чехословацком коммюнике.

При всём сходстве первоначальных планов тактика, избранная официальной Москвой и ее союзниками в августе 1968 г., с самого начала принципиально отличалась от тактики, примененной в Венгрии в 1956 г., в решении другого важного вопроса. Осенью 1956 г. руководство СССР предпочло осуществить акцию собственными силами, отказавшись от использования союзнических армий². Однако в августе 1968 г. Москва изначально пыталась представить происходящее в Чехословакии как общее дело стран социалистического лагеря, а саму военную акцию — как проявление общей заботы о «спасении» социалистических завоеваний в одной из стран блока. Не случайно уже начиная с совещания 23 марта 1968 г., состоявшегося в Дрездене (ГДР), и вплоть до братиславской встречи начала августа положение в Чехословакии неоднократно обсуждалось на совместных заседа-

¹ Исразлян В.Л. 105-е вето Советского Союза // *Международная жизнь*. 1990. № 10. С. 125–126.

² Не только из многократно издававшихся мемуаров Н.С. Хрущева, но и из других, заслуживающих большего доверия источников известно, что румынская сторона предлагала Москве свою военную помощь. См., в частности, запись беседы Н.С. Хрущева и Г.М. Маленкова с югославскими лидерами Й. Брозом Тито, Э. Карделем и А. Ранковичем на о. Бриони в Адриатике в ночь со 2 на 3 ноября 1956 г.: *Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы*. М.: РОССПЭН, 1998. С. 526.

ниях лидеров компартий стран Варшавского договора (наряду с албанцами, с начала 1960-х гг. дистанцировавшимися от СССР, на эти встречи не приглашались румыны, занимавшие особую позицию)³, и военная акция по вводу войск в Чехословакию была запланирована, осуществлена и декларирована именно как коллективная акция пяти стран-союзниц по военно-политическому лагерю. Вместе с тем уже в самый момент ее осуществления было очевидно, что эта акция не получила, хотя и по разным причинам, полной поддержки даже тех стран, которые входили в ОВД. Интервенция в Чехословакию была решительно осуждена Румынией; Албания, которая, впрочем, уже начиная с 1962 г. не принимала участия в работе ОВД, формально вышла из этой организации 5 сентября 1968 г., опасаясь, что ее пребывание в составе ОВД может дать повод для аналогичного военного вмешательства в дела страны со ссылкой на коллективную ответственность за положение в одном из государств блока.

Кроме того, коллективная акция от 21 августа не была поддержана, опять-таки по разным причинам, второй коммунистической державой мира — Китаем — и довольно влиятельной внеблоковой социалистической страной — титовской Югославией, одним из основателей и лидеров Движения неприсоединения. По меньшей мере неоднозначной была реакция на интервенцию в Чехословакию не только в социалистических странах, но и в мировом коммунистическом движении. С особенно явным непониманием восприняли ее в двух сильнейших и наиболее самостоятельных западных компартиях — французской и итальянской⁴. Предложение о скорейшем созыве совещания европейских компартий с целью выработки принципиального мнения по чехословацкому вопросу нашло довольно широкую поддержку в западноевропейских коммунистических кругах⁵. Проявившиеся разногласия с Москвой стали симптомом нарастающего кризиса в мировом коммунистическом движении, дальнейшее углубление которого показало и состоявшееся в Москве в июне 1969 г. большое совещание коммунистических и рабочих партий мира. Часть компартий, включая компартию Китая и Союз коммунистов Югославии (СКЮ), его, в силу разных причин, игнорировали, а некоторые из принявших участие не одобрили жесткую линию КПСС в вопросах советско-китайских отношений. К этому можно добавить, что даже руководства стран, участвовавших в августовской интервенции, не заняли одинаковую позицию. Так, венгерский лидер Янош Кадар довольно

³ Материалы этих встреч публиковались в сборниках, подготовленных на основе проектов Российского государственного архива новейшей истории (далее — РГАНИ): «Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М.: Международный фонд «Демократия», 2010; Чехословацкий кризис 1967-1969 годов в документах ЦК КПСС. М.: РОССПЭН, 2010.

⁴ «Мы спасли социализм в этой стране». Из записи переговоров с делегацией ИКП 13-14 ноября 1968 г. // Источник. 1994. № 5. С. 77-87.

⁵ «Пражская весна» и позиция западноевропейских компартий / Публикацию подготовили Г.П. Мурашко, Т.А. Джалилов // Вопросы истории. 2008. № 11. С. 3-23.

долго колебался, отдавая предпочтение политическому решению, и, по сути, не скрывал от своего Политбюро, что подключается к акции только из соображений блоковой солидарности, чтобы не испортить отношений с Москвой и сохранить условия для проведения начатых экономических реформ⁶.

Готовя свою акцию, Москва придавала немалое значение позиции титовской Югославии, осознавая как ее статус одного из лидеров Движения неприсоединения, так и большой международный авторитет маршала Тито, единственного политика, осмелившегося в свое время бросить вызов Сталину на международной арене. В конце апреля 1968 г. Тито посетил Москву по окончании своего длительного турне по азиатским странам и имел 29 апреля длительную беседу с Л.И. Брежневым и другими советскими лидерами; ситуация в Чехословакии стала одним из главных предметов обсуждения⁷. Руководство СССР надеялось на близость точек зрения сторон, принимая во внимание, что отношения двух стран находились на подъеме. Ведь в 1965–1966 гг. состоялся обмен полноценными визитами на высшем уровне⁸, в июне 1967 г. Югославия полностью солидаризировалась с советской позицией в условиях «шестидневной войны» на Ближнем Востоке, в ноябре 1967 г. Тито побывал в Москве на торжествах в связи с 50-летием Октябрьской революции. Правда, СКЮ продолжал занимать особую позицию по многим проблемам мирового коммунистического движения, и его представители в апреле 1967 г. так и не приняли участие в конференции компартий стран Европы по вопросам европейской безопасности в Карловых Варах⁹. Тем не менее в Москве питали надежды, что югославские лидеры с пониманием воспримут советские оценки внутривосточных процессов, развернувшихся в Чехословакии. Брежнев не скрывал от югославских собеседников обеспокоенности ослаблением контроля руководства КПЧ над общественной жизнью и прессой и уже в это время, за неполные четыре месяца до интервенции, откровенно высказал мнение, во многом корреспондировавшее с так называемой доктриной ограниченного суверенитета («доктриной Брежнева»), получившей после 21 августа 1968 г. развитие в ряде статей и документов¹⁰. 29 апреля генеральный секретарь ЦК

⁶ Подробнее о его позиции см.: *Стыкалин А.С.* Опыт 1956 года в 12-летней ретроспективе. «Пражская весна» 1968 года и позиция руководства Венгрии // *Стыкалин А.С.* Венгерский кризис 1956 года в исторической ретроспективе. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016. С. 403–446.

⁷ См.: Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. М.: Международный фонд «Демократия», 2017. Т. 2: 1965–1980. С. 211–230.

⁸ Записи бесед см. в том же издании.

⁹ См. в этой связи запись беседы Л.И. Брежнева и Й. Броза Тито 30 января 1967 г. во время краткосрочного приезда югославского лидера в СССР // Там же. С. 165–185.

¹⁰ О становлении этой доктрины см.: *Стыкалин А.С.* Эволюция официальных советских оценок венгерского кризиса 1956 г. в условиях смены политических систем в Восточной Европе и пересмотра «доктрины Брежнева» // *Выбор пути развития: польский и российский исторический опыт конца XX столетия / отв. ред. Л.Е. Горизонтов.* М.: Собрание, 2016. С. 259–280.

КПСС говорил лидеру СКЮ: «Нужны какие-то радикальные шаги с нашей стороны с тем, чтобы помочь Чехословакии устоять на позициях социализма. Не следует бояться слова “вмешательство”. Ведь мы пролетарские интернационалисты и нам безразличны судьбы социализма в других странах. Есть вопросы, которые нельзя рассматривать как чисто советские или чисто югославские. У нас есть общие задачи и обязанности, вытекающие из принципов пролетарского интернационализма. Нас очень волнует и нам не безразлично, как идут дела у наших друзей, в том числе и в Югославии», где экономическая реформа, «по-товарищески говоря, как нам кажется, пока не дала положительных результатов»¹¹. Тито, хотя и высказал ряд критических замечаний по поводу ситуации в Чехословакии, вместе с тем прямо дал понять, что стоит на позиции поддержки действующего руководства страны, которое, если оказать ему соответствующую помощь, может справиться с обстановкой. Таким образом, советский лидер должен был принять к сведению, что силовое решение по Чехословакии едва ли будет поддержано югославской стороной.

Как известно, интервенция 21 августа получила осуждение руководства Югославии¹², между КПСС и СКЮ возникла острая межпартийная полемика¹³. В Москве проявили особую обеспокоенность тем, что ряд деятелей реформаторского крыла КПЧ, и прежде всего действующие министры правительства (в том числе вице-премьер О. Шик, курировавший экономические реформы, а также министр иностранных дел И. Гаек), проводившие в это время свой отпуск на Адриатике в Югославии, могли объявить о создании чехословацкого правительства в эмиграции, ссылаясь на то, что являются членами свергнутого законного правительства. Если И. Гаек из Югославии отправился в Нью-Йорк, чтобы принять участие в заседании Совета Безопасности ООН, то О. Шик выехал в Румынию, где участвовал в мероприятиях по случаю национального праздника 23 августа. Критика югославских и румынских руководителей, поощряющих чехословацких, по определению официальной Москвы, «контрреволюционеров», попала и на страницы «Правды», где в сообщении ТАСС от 25 августа отмечалось, что «именно в Белграде и Бухаресте плетут свои интриги политические авантюристы из Праги, оказавшиеся в эти дни за пределами Чехословакии». Беседа Тито с советским послом И.А. Бенедиктовым проходила 31 августа в довольно напряженной атмосфере. Лидер Югославии указал послу, что интервенция в Чехословакию была предпринята вопреки воле ее руководства и что у чехов и словаков было достаточно сил самим решить свои проблемы.

¹¹ Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. Т. 2. С. 223–224.

¹² См. запись беседы Тито с послом СССР в Югославии И.А. Бенедиктовым от 31 августа 1968 г. // Там же. С. 231–241.

¹³ См. изложение югославской позиции в письме Тито Брежневу от 5 ноября 1968 г. // Там же. С. 244–246.

Вследствие политики Москвы, по его мнению, был нанесен серьезный удар по социализму в международном масштабе. Что же касается Югославии, то Тито дал понять послу СССР, что руководство страны всегда самостоятельно решает свои проблемы и не допустит, чтобы кто бы то ни было вмешивался в ее внутренние дела извне. Если же югославскому государству кто-либо будет угрожать с Востока или с Запада, а тем более, если дело дойдет до прямого нападения на нее, «Югославия будет решительно сражаться, защищая свою независимость. В этом можно не сомневаться»¹⁴.

Следующая встреча Тито с Бенедиктовым состоялась 19 октября. К этому времени под давлением Москвы уже было подписано соглашение о временном пребывании советских войск в Чехословакии. Это несколько успокоило югославского лидера, решившего не придавать приоритетного значения чехословацкому вопросу. Тито заявил советскому послу: «Сейчас важна добрая воля. Я сказал сегодня, что не вижу причин, чтобы каждый день в наших газетах писалось о Чехословакии. В Москве подписан договор»¹⁵. Мы ни в чем не хотели бы мешать его проведению в жизнь»¹⁶. А 4 сентября 1969 г. (уже после значительных кадровых перестановок в партийно-государственном аппарате, удаления многих реформаторов с ответственных должностей) Тито, принимая министра иностранных дел СССР А.А. Громыко, подтвердил свое и всего югославского руководства мнение о том, что военное вторжение нанесло «большой ущерб как для социализма в Чехословакии, так и для социализма вообще». «Мы высказались, — продолжил он, — заняли свою принципиальную позицию относительно событий в Чехословакии и не отступаем от нее. Но мы в то же время сочли, что не следует драматизировать ситуацию вокруг Чехословакии, и смогли минимизировать публикации в нашей прессе. В конце концов, мы не можем быть большими чехами, чем чехи. Пусть сами чехи и словаки решают этот вопрос. А с Чехословакией, несмотря на то, кто сейчас у власти, мы стремимся к добрым отношениям»¹⁷.

К осени 1971 г., когда состоялась первая после трехлетнего перерыва встреча Брежнева и Тито, разногласия по чехословацкому вопросу хотя и сохранились, но фактически уже не сильно отягощали советско-югославские отношения. Когда в ходе беседы 23 сентября Брежнев в сердцах выразил обиду на югославов («Я никогда так сильно не расстраивался, как тогда, когда услышал, как в Югославии думают, что Советский Союз думает

¹⁴ См. изложение югославской позиции в письме Тито Брежневу от 5 ноября 1968 г. // Там же. С. 236.

¹⁵ По итогам двусторонней советско-чехословацкой встречи на высшем уровне, состоявшейся 3–4 октября 1968 г. Об обязательствах, взятых на себя чехословацкой стороной, см. подробно: *Латыш М.В.* «Пражская весна» 1968 г. и реакция Кремля. М.: [б.и.], 1998. Глава XII.

¹⁶ Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. Т. 2. С. 243.

¹⁷ Там же. С. 263.

напасть на Югославию.»¹⁸), это было, конечно, не более чем риторическим приемом, призванным подчеркнуть общность двух стран, строящих социализм. Надо вместе с тем сказать, что, принимая меры против так называемой Хорватской весны — хорватского национального движения, активизировавшегося и подавленного в 1971 г., Тито успешно «разыграл карту» гипотетического советского силового вмешательства в югославские дела и использовал в интересах укрепления своей власти имевшиеся в обществе на сей счет опасения.

Можно вспомнить в этой связи о телефонном звонке Брежнева Тито, состоявшемся в конце апреля 1971 г., в момент, когда довольно бурно проходило заседание Президиума СКЮ, на котором ряд членов партийного руководства (особенно представители Хорватии) выступили против принятия резолюции, осуждающей усиление национализма и центробежных тенденций. Телефонный разговор состоялся во время обеденного перерыва; вернувшись в зал заседаний, Тито сообщил собравшимся, что ему звонил Брежнев и предлагал свою помощь в решении внутренних югославских проблем, угрожающих целостности федеративного государства¹⁹. Можно предположить, что Тито сознательно использовал звонок Брежнева для того, чтобы припугнуть своих соратников гипотетической советской угрозой (в свете недавних пражских событий) и заставить их, преодолев местнические амбиции, сплотиться перед лицом внешнего вызова. По некоторым данным, об угрозе советского военного вмешательства в случае, если в Югославии восторжествуют центробежные тенденции и начнется распад федеративного государства, Тито говорил и на заседании в Загребе 4 июля²⁰.

В случае с Румынией состояние острой конфронтации, в котором оказались в августе 1968 г. союзники по ОВД, было, пожалуй, даже более предсказуемым, нежели в случае с нейтральной Югославией. Ведь советско-румынские отношения с начала 1960-х гг. постепенно ухудшались. На сессиях Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) представители Румынии всё чаще выступали против планов хозяйственной интеграции, мало учитывавших, по их мнению, сложившуюся структуру экономики страны, интересы ее дальнейшего развития и нацеленных на превращение ее в аграрно-сырьевой придаток более развитых государств²¹. Румынская дипломатия начала вести двойную игру, совершив тайный ход в целях обе-

¹⁸ Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. Т. 2. С. 323.

¹⁹ Там же. С. 307, 674.

²⁰ Из литературы о советско-югославских отношениях в контексте событий «Хорватской весны» см.: Романенко С.А. «Хорватская весна» и советско-югославские отношения на рубеже 1960-х–1970-х годов // Славяноведение. 2008. № 3. С. 60–75.

²¹ См.: Anton M. Iașire din cerc. București: Institutul Național pentru studiul totalitarismului, 2007.

спечения безопасности страны на случай повторения Москвой внешнеполитической авантюры, подобной размещению ракет на Кубе, вызвавшему Карибский кризис 1962 г. Так, в октябре 1963 г. в кулуарах Генассамблеи ООН в Нью-Йорке министр иностранных дел Румынии К. Мэнеску просил представителей США при возможном возникновении угрозы ядерного конфликта рассматривать Румынию не в качестве союзника СССР, а как нейтральное государство, которое не может нести ответственности за все принятые в Кремле без консультации с союзниками «пагубные» внешнеполитические решения²². В июне 1963 г. между первым секретарем ЦК Румынской рабочей партии Г. Георгиу-Дежем и советским лидером Н.С. Хрущевым на двусторонней встрече произошла настолько острая перепалка, что через полтора года, при снятии Хрущева, его соратники припомнили ему этот эпизод как проявление неумения вести нормальный уважительный диалог с главами братских партий (подобный стиль общения, как отмечалось, лишь способствует дальнейшему разброду в соцлагере)²³. Но за несколько месяцев до отставки, в июне 1964 г., Хрущев успел-таки на встрече с Й. Брозом Тито в Ленинграде попросить харизматичного югославского лидера, воспринимавшегося в Бухаресте в качестве эталона коммунистического руководителя, умеющего на равных разговаривать с Москвой, повлиять на румын, дабы те не сближались слишком сильно с Китаем (противоборство между КПСС и КПК за гегемонию в коммунистическом движении достигло к этому времени своего апогея). Тито согласился: в Пекине его считали главным ревизионистом, и прокитайского крена в политике своих румынских соседей он никогда не одобрял²⁴. Особенно раздражало Хрущева то, что в ходе встреч китайцев с румынами то и дело поднимался (в Москве знали об этом не только из агентурных донесений, но и вычитывали между строк из опубликованных в прессе коммюнике) бессарабский вопрос, по мнению обеих сторон, разрешенный несправедливо: для руководства КПК Бессарабия выступала дежурным примером того, что не только на Дальнем Востоке, но и в Европе Советский Союз обладает землями, на которые он имеет меньше прав, нежели некоторые соседние государства²⁵.

²² *Garthoff R.L. When and Why Romania distanced itself from the Warsaw Pact // Cold War International History Project Bulletin. Woodrow Wilson International Center for Scholars, Washington, D. C. 1995. Issue 5. P. 111.*

²³ «Зачем вам нужно Дежу говорить обидные слова?» — фиксируется в записи заседания от 13 октября 1964 г. риторический вопрос (Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. М.: РОССПЭН, 2003. Т. 1. С. 865).

²⁴ См.: *Стыкалин А.С. Хрущев и Тито: долгий разговор о Румынии (Ленинград, июнь 1964 г.) // Studia Universitas Moldaviae — Științe Umanistice. 2017. № 10 (110). С. 243–259.*

²⁵ Как известно, междуречье Днестра и Прута, большая часть которого принадлежала Молдавскому княжеству, вошло в состав Российской империи по итогам русско-турецкой войны 1806–1812 гг. в соответствии с Бухарестским мирным договором 1812 г. В скором времени эта земля лишилась всякой автономии, образовав Бессарабскую губернию с центром в Кишиневе. В 1918 г. она была аннексирована Румынией, в 1940 г. присоединена к СССР в соответствии с советско-германскими

После отставки в октябре 1964 г. Хрущева и кончины в марте 1965 г. Георгиу-Дежа новое, брежневское руководство СССР, преувеличивая роль субъективного фактора в ухудшении советско-румынских отношений, надеялось, что теперь удастся возобновить диалог «с чистого листа», убрав возникшие наслоения. Но это оказалось иллюзией, ведь глубина объективных противоречий была недооценена, не было принято во внимание естественное стремление не только элиты, но и всего румынского общества к расширению суверенитета страны. Так что списать всё на волюнтаризм и грубость Хрущева не удалось, тем более что новый румынский лидер, довольно молодой и амбициозный Н. Чаушеску в целях повышения своей популярности с еще большей последовательностью, чем предшественник, пытался в отношениях с СССР отстаивать независимую позицию, ссылаясь на национальные интересы, как он их себе представлял.

Осенью 1965 г. Чаушеску был с немалой помпой встречен в Москве, однако уже в первый день переговоров настроение советских лидеров сильно омрачилось, когда в ходе официальных бесед румыны призвали советское правительство полностью вернуть социалистической Румынии золотые запасы королевской Румынии, удержанные большевиками после того, как та аннексировала в 1918 г. Бессарабию. Это вызвало в Кремле эффект разорвавшейся бомбы — Брежнев и его окружение, не на шутку возмущенные «румынской неблагодарностью» за послевоенную помощь по подъему экономики страны, обещали — если в Бухаресте не перестанут упорствовать в своих требованиях — предъявить-таки Румынии новый счет за вполне реальные разрушения и мародерство, учиненные армией маршала Антонеску на оккупированных советских территориях в годы Второй мировой войны²⁶.

Попытки плотнее пристегнуть Румынию к общей внешнеполитической линии восточного блока оказывались, таким образом, безуспешными. Разногласия по широкому кругу вопросов усугублялись, угрожая серьезным конфликтом между соседними государствами. На заседаниях Политического консультативного комитета (ПКК) и совещаниях армейского командного состава ОВД представители Румынии выступали за более активное приобщение генералитета стран-союзниц к разработке военно-стратегических планов блока²⁷. В январе 1967 г. Румыния без консультаций с Москвой восстановила дипломатические отношения с ФРГ вопреки общей установке со-

договоренностями о разделе сфер влияния. По итогам Второй мировой войны — вновь в составе СССР (двух союзных республик: Молдавской ССР и Украинской ССР). О советско-румынских «войнах исторической памяти» относительно общего прошлого двусторонних отношений см.: *Стыкалин А.С.* Полемика советского посла и румынского функционера (март 1980 года) об освещении прошлого двусторонних отношений // *Славяноведение*. 2017. № 1. С. 12–30.

²⁶ См.: *Anton M.* The First Brezhnev — Ceaușescu Confrontation. Moscow, September, 1965 // *Totalitarian Archives*. 2002. № 1–2. P. 277–286.

²⁷ См.: *Preța G., Opreș P.* România în Organizația Tratatului de la Varșovia, 1954–1968. București: Institutul Național pentru studiul totalitarismului, 2008–2009. Vol. 1–2.

циалистического лагеря не делать этого, пока в Бонне не возобладает «новая восточная политика», т.е. пока там официально не признают если не ГДР, то по крайней мере восточные границы будущей единой Германии по Одере и Нейсе²⁸. В июне того же года Румыния заняла особую, не однозначно проарабскую (как другие европейские социалистические страны), а компромиссную позицию во время «шестидневной войны» на Ближнем Востоке, отказавшись порвать отношения с Израилем, разгромившим три арабских государства²⁹. Вследствие этого в марте 1968 г. румынская делегация в ответ на звучавшие оскорбления коммунистов из арабских стран предпочла демонстративно покинуть совещание компартий в Будапеште³⁰. Через три недели разыгрался еще один нешуточный скандал в советско-румынских отношениях, когда при посещении Финляндии румынская делегация во главе с премьером И.Г. Маурером возложила венки на могилу маршала Маннергейма в память о его заслугах на румынском фронте в бытность генералом российской царской армии в годы Первой мировой войны³¹.

Что касается событий «Пражской весны», то уже начиная с марта 1968 г. лидеры румынской компартии, и в этом вопросе также отклонявшиеся от общей линии восточного блока, не приглашались на заседания руководителей европейских социалистических стран-участниц ОВД, где обсуждались пути решения «чехословацкой проблемы», остро беспокоившей официальную Москву.

Позиция руководства Румынии более отчетливо проясняется на фоне позиции лидеров других стран ОВД. В. Ульбрихт и В. Гомулка с самого начала избрали в отношении Пражской весны очень жесткую линию, которая явилась одним из дополнительных факторов давления в пользу выбора Москвой силового варианта действий. Гомулка придавал очень большое значение потенциальной германской угрозе, боясь, что ослабление позиций коммунистов в Чехословакии используют в своих целях западногерманские реваншисты. В Польше в марте 1968 г. происходили бурные события — прежде всего, студенческие волнения, и, по мнению польского лидера, позиция обновленного, реформаторского руководства КПЧ играла на руку

²⁸ *Гладышева А.С.* Германский вопрос на заседаниях Политического Консультативного Комитета ОВД и позиция Румынии (1956–1967) // Вынужденное соседство — добровольное приспособление в дипломатических и межнациональных отношениях в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе. XVIII–XXI вв. / отв. ред. О.В. Хаванова. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 329–345.

²⁹ *Anton M. Miza unei dizidențe. Relațiile româno-sovietice și criza din Orientul Mijlociu. Iunie 1967* // *Revista Istorică*. 2007. № 3–4. P. 229–236.

³⁰ Речь идет о подготовительной встрече, где обсуждались вопросы созыва большого совещания компартий всего мира.

³¹ В Москве восприняли этот независимый внешнеполитический жест крайне болезненно. Посол Румынии был вызван в МИД СССР, где первый заместитель министра В.В. Кузнецов официально выразил недоумение в связи с недружественным СССР актом. См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 19.

тем, кто хотел ослабить коммунистический режим не только в Чехословакии, но и в Польше³².

Венгерский лидер Я. Кадар, в отличие от Гомулки, чувствовал себя гораздо увереннее, он находился на пике популярности внутри страны. В Венгрии незадолго до этого была начата системная экономическая реформа, и Кадар видел в чехословацких реформаторах потенциальных союзников, не предполагая, впрочем, распространения реформ в своей стране на политическую сферу. С конца июня, правда, он проявлял больше озабоченности происходящим у северных соседей, считая, что руководство КПЧ начало утрачивать контроль над ходом событий — особое раздражение венгерского лидера вызвала статья в чехословацком литературном издании *Literárni listy*, приуроченная к десятилетию казни Имре Надя³³. Но даже и после этого венгерский лидер пытался примирить советских и чехословацких коммунистов, не раз встречался с Дубчеком, объясняя ему ситуацию. Кадар подчинился блоковой дисциплине, не противопоставляя себя союзникам по ОВД, он полагал, что только таким образом он мог хоть как-то влиять на дальнейший ход событий³⁴. При этом, как уже отмечалось выше, венгерский лидер отдавал предпочтение политическому решению и, судя по некоторым его более поздним высказываниям, так и не признал внутренней целесообразности акции. Особенно он был недоволен тем, что не сработал план приведения к власти нового правительства и рухнула именно политическая подготовка запланированной операции по смене власти. В письме Брежневу от 14 сентября он не скрывал, что ввод войск в соседнюю страну явно не вызвал в Венгрии воодушевления³⁵. Надежды Кадара на то, что подключение к акции позволит ему спасти венгерские экономические реформы, явно не оправдались.

В отличие от Кадара румынский лидер Н. Чаушеску не был склонен к реформам в собственной стране, а в Пражской весне видел прежде всего движение за расширение национального суверенитета и воспринимал чехословацких коммунистов как своих союзников именно в борьбе за ослабление влияния Москвы. При этом чехословацкие реформаторы долгое время от него дистанцировались, опасаясь, что слишком тесные связи с «диссидентской» Румынией осложнят диалог с Москвой, и только в середине августа пошли на сближение — за считанные дни до интервенции Чаушеску приезжал в Прагу для продления договора о дружбе и сотрудничестве между двумя государствами.

³² Из литературы: *Волбуев В.В.* Об отношении польского общества к реформам в Чехословакии в 1968 г. // 1968 год. «Пражская весна». Историческая ретроспектива / отв. ред. Г.П. Мурашко. М.: РОССПЭН, 2010. С. 464–476.

³³ Подробнее см.: *Стыкалин А.С.* Венгерский кризис... С. 403–446.

³⁴ Там же.

³⁵ См.: *Kedves, jó Kádár elvtárs! Válogatás Kádár János levelezéséből. 1954–1989* / Szerk. Huszár T. Budapest: Osiris, 2002. 243–347. o.

О принятом 18 августа окончательном решении осуществить масштабную силовую акцию руководство Румынии было предупреждено за несколько часов до ее начала по весьма сомнительным неофициальным каналам. На срочно созванном экстренном совместном заседании ЦК румынской компартии, госсовета и правительства страны ввод войск в Чехословакию был назван «тяжким нарушением национального суверенитета братского свободного и независимого государства, принципов, на которых основываются взаимоотношения между социалистическими государствами, и норм международного права»³⁶. После полудня 21 августа, всего через несколько часов после того, как ввод армий ряда стран ОВД в Чехословакию стал реальностью, Чаушеску выступил с речью с балкона правительственного здания на многотысячном митинге в центре Бухареста. Это был уникальный в истории страны момент единения народа и коммунистической власти. Достаточно сказать, что ряд интеллектуалов, по сути никогда не скрывавших своих антикоммунистических убеждений, включая уроженца Бессарабии, впоследствии виднейшего диссидента Паула Гому, подали заявления о приеме в компартию (конфликт между властью и интеллигенцией при Чаушеску обозначился, а потом и до предела обострился позже, уже в 1970–1980-е гг.). В стране серьезно опасались нападения с востока. Войска приводились в состояние боеготовности, формировались добровольческие дружины для оказания помощи в отпоре гипотетическому агрессору, началось возведение оборонительных сооружений на границе³⁷. По итогам встречи 24 августа с Тито в приграничном югославском городе Вршац Чаушеску должен был принять к сведению, что в случае нападения на Румынию Югославия не подключится к ее защите, поскольку это было бы равнозначно ее вступлению в войну с СССР³⁸. В этих условиях руководству Румынии пришлось идти на контакт с советским посольством, объяснив мотивы своего несогласия с интервенцией в Чехословакию³⁹. Румынская пресса с конца августа начала снижать градус критики в адрес СССР. Происходило и встречное движение. Напряженность в двусторонних отношениях разрядилась настолько, что в октябре в Румынии даже смогли пройти дни советской культуры⁴⁰.

³⁶ См. относящиеся к этим дням документы: 21 august 1968. Apoteoza lui Ceaușescu / coord. L. Betea. Iași: Polirom, 2009.

³⁷ См.: Стыкалин А.С. «Наши пограничники наблюдают развернутые работы по созданию оборонительных сооружений...» О положении на советско-румынской границе в конце августа 1968 г. // Славяне и Россия: проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI вв. К 100-летию со дня рождения академика Ю.А. Писарева / отв. ред. С.И. Данченко. М.: Институт славяноведения РАН, 2017. С. 489–508.

³⁸ Istoria Comunismului din România. Iași: Polirom, 2012. Vol. 2. Documente Nicolae Ceaușescu (1965–1971). P. 435–450.

³⁹ См. запись беседы Н. Чаушеску с послом СССР А.В. Басовым, состоявшейся утром 25 августа: Ibid. P. 451–457.

⁴⁰ См.: Стыкалин А.С. Кризис в советско-румынских отношениях в августе 1968 г. и попытки его преодоления «на культурном фронте» (по архивным материалам) //

Продолжает оставаться дискуссионным вопрос, насколько реальную почву имели под собой существовавшие в мире опасения относительно того, что вторжением в Чехословакию дело может не ограничиться и СССР со своими союзниками при неблагоприятном для себя стечении обстоятельств (сопротивлении чехословацкой армии или прямом вмешательстве НАТО в конфликт) может предпринять силовые акции против потенциальных партнеров Чехословакии в ее противостоянии внешнему давлению — Румынии и даже нейтральной Югославии. Любые вводимые в научный оборот источники предоставляют дополнительный материал для конструирования различных версий. Это касается среди прочего и мемуаров А.Ф. Добрынина, тогдашнего посла СССР в Вашингтоне, впервые опубликованных еще во второй половине 1990-х гг.⁴¹ Есть ли основания считать, что именно жесткие предупреждения США о недопустимости военного вмешательства в еще одной восточноевропейской стране решающим образом повлияли на отказ советского руководства от силового решения?

Не ставя здесь целью дать подробный анализ имеющихся в литературе версий, замечу, однако, что силовое вмешательство стран ОВД в дела Румынии было, на мой взгляд, маловероятно в силу ряда причин. Как уже было сказано, Москва стремилась подключить к своей акции союзников. Но что касается потенциальной интервенции в Румынию, едва ли могла рассчитывать на поддержку сателлитов. Я. Кадара, долгие месяцы выступавшего за компромиссное решение, союзники, как уже отмечалось, с немалым трудом склонили к участию в чехословацкой акции, и почивать на лаврах ему не приходилось: в Словакии, где даже среднее поколение помнило Мюнхенский сговор 1938 г. и последовавшие за ним трагические события, «новый приход венгров» в силу исторических причин был встречен с особой враждебностью. В отличие от 1938 г. он не был поддержан и венгерской диаспорой Южной Словакии. Учитывая же традиционно еще более непростые венгерско-румынские отношения, ввод венгерских войск в Трансильванию вызвал бы в Румынии настоящую бурю. Прагматичному политику Я. Кадару это было совсем не нужно по многим причинам, и прежде всего из-за возможного усиления напряженности на границе двух стран и ухудшения положения большой (более 1 млн 600 тыс. человек) венгерской диаспоры в Румынии, за чем внимательно следило общественное мнение в самой Венгрии. Как гибкий политик Кадар, весьма болезненно воспринявший провал политической акции по приведению к власти в Чехословакии так называемых «здоровых сил», даже под сильным давлением Москвы всячески саботировал бы — в этом можно не сомневаться — участие Венгрии в гиппо-

Вынужденное соседство — добровольное приспособление в дипломатических и межнациональных отношениях в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе XVIII–XXI вв. С. 364–381.

⁴¹ *Добрынин А.Ф.* Сугубо доверительно: посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). М.: Центрполиграф, 2016.

тетической «румынской акции». Что же касается польского лидера В. Гомулки, то его в контексте чехословацкого кризиса заботила прежде всего, как уже было отмечено выше, проблема германского реваншизма в отношении границ по Одру и Нейсе, сквозь призму этой проблемы он и воспринимал всё происходившее у южных соседей. Румыния, не граничившая с ФРГ, в отличие от Чехословакии, мало заботила Гомулку уже в силу своего географического положения. Представить себе участие Польши в акции против Румынии очень трудно.

Не менее важен и еще один момент. При том что военная операция в Чехословакии была проведена успешно, в Кремле и на Старой площади должны были извлечь уроки из полного провала акции, целью которой была смена власти в этой стране. Ведь «здоровые силы», на которые предполагалось сделать ставку, повторяя венгерский «сценарий» 1956 г., оказались слишком слабы. Так вот, в Румынии Москва вообще не имела своих ставленников в номенклатуре, их выдавили оттуда примерно к 1964 г., в условиях резкого осложнения двусторонних отношений.

Вводить в страну войска, не имея внутри этой страны лиц, на которых предполагалось опереться, было бы полной авантюрой. Судя по опубликованным материалам заседаний Политбюро и совещаний с участием лидеров «братских партий»⁴², Л.И. Брежнев и насчет ввода войск в Чехословакию довольно долго колебался, его подталкивали к более решительным действиям как некоторые соратники по партии, так и восточноевропейские лидеры — В. Ульбрихт, В. Гомулка и Т. Живков. Ситуация, когда советскому руководству пришлось выпустить, по сути дела, из заключения и посадить за стол переговоров А. Дубчека и людей его команды (за неимением других партнеров), была для Брежнева довольно унижительна. Хотел ли он ее повторения в Румынии?! В советском руководстве едва ли не понимали, что Чаушеску, своей независимой политикой приобретшего к тому времени немалую популярность внутри страны (массовый митинг 21 августа был наилучшим тому свидетельством), сместить было крайне сложно. Стоило ли, усиливая конфронтацию с Западом, принимать меры ради свержения непослушного вассала, учитывая, что никакой угрозы коммунистической диктатуре в Румынии не было, а говорить о влиянии НАТО было трудно применительно к стране, граничившей только с социалистическими государствами (тремя членами ОВД и нейтральной Югославией)?

В Кремле вряд ли не осознавали: военная акция против Румынии, а тем более против нейтральной Югославии превышает возможности СССР. Даже Сталин не решился напасть на Югославию в условиях острейшего конфликта 1948–1953 гг., когда все союзники были предельно лояльны. О чем же можно говорить применительно к 1968 г.? Не удивительно, что уже через неполные две недели после военной акции 21 августа Москва

⁴² См.: «Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М., 2010; Чехословацкий кризис 1967–1969 годов в документах ЦК КПСС. М.: РОССПЭН, 2010.

предприняла шаги, направленные на смягчение отношений с Румынией, как и с Югославией. Вышесказанное вовсе не опровергается тем фактом, что к советско-румынской границе были действительно подтянуты новые войсковые соединения, а в Генштабе прорабатывались планы ввода войск в Румынию. Такие планы разрабатывались на случай углубления или интернационализации чехословацкого конфликта (возможное, хотя и крайне маловероятное сопротивление чехословацкой армии войскам стран-союзниц, более активное вмешательство Запада в чехословацкие дела). Но между разработкой в генштабах военных планов (на все случаи жизни) и политическим решением по их осуществлению существует, как известно, дистанция огромного размера. Что же касается предупреждений администрации президента США Л. Джонсона в адрес советского руководства в связи с возможной военной акцией в отношении Румынии⁴³, то нет оснований считать, что этот фактор был решающим. Крайне малая вероятность военных действий СССР и его союзников на румынском и югославском направлениях была обусловлена не столько предостережениями извне, сколько реальным соотношением политических сил в Европе летом-осенью 1968 г.

Своим решительным поведением в августе 1968 г. Чаушеску заработал немалый политический капитал (и внутри страны, и вовне), который мог растрчивать потом два десятилетия. Достаточно сказать, что из уважения к независимой внешней политике Румынии в августе 1969 г. Бухарест посетил новый президент США Р. Никсон. Впрочем, испытанное в августе 1968 г. чувство эйфории в условиях если не абсолютной, то очень широкой поддержки народом того, что делала коммунистическая власть, вскружило голову Чаушеску, крайне тщеславному человеку, уверило его в собственной непогрешимости, усилило проявления самодурства, достигшие к концу 1980-х гг. в его замыслах и действиях редких высот и принесшие румынскому народу огромные проблемы. В конце концов, это не благоприятствовало сохранению румынским лидером чувства адекватности в совершенно иной политической атмосфере — через 21 год, в декабре 1989 г., когда он до последнего верил, что народ, как и в августе 1968 г., не поддержит «внешних происков», направленных на подрыв румынского государства, склонного идти своим путем к социализму.

Таким образом, силовая акция по пресечению развернувшихся в Чехословакии экспериментов по либерализации коммунистического режима, осуществленная в августе 1968 г., не получила полной поддержки не только среди социалистических стран и в мировом коммунистическом движении, но и внутри восточного блока. Это стало одним из отчетливых симптомов усиления кризисных явлений в мировом коммунистическом движении,

⁴³ Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно: посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). С. 172–176; *Cătănuș D. Romania — Another Czechoslovakia? The Prospect of a Soviet Invasion and the Question of Foreign Support, 1968* // *Arhivele Totalitarismului*. 2011. N 3–4. P. 173–184.

продолжавших углубляться и в последующие десятилетия. Вместе с тем неготовность не только союзнической Румынии, но и нейтральной Югославии, сталкивавшейся с мощными центробежными вызовами, педалировать свои разногласия с Москвой довольно быстро привела к восстановлению их отношений с СССР на прежнем, «доавгустовском» уровне.

Литература

- 1968 год. «Пражская весна». Историческая ретроспектива / отв. ред. Г.П. Мурашко. М.: РОССПЭН, 2010.
- Вынужденное соседство — добровольное приспособление в дипломатических и межнациональных отношениях в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе. XVIII–XXI вв. / отв. ред. О.В. Хаванова. М.; СПб.: Нестор-История, 2017.
- Израэлян В.Л.* 105-е вето Советского Союза // *Международная жизнь*. 1990. № 10. С. 125–126.
- Латыш М.В.* «Пражская весна» 1968 г. и реакция Кремля. М.: [б.и.], 1998.
- Романенко С.А.* «Хорватская весна» и советско-югославские отношения на рубеже 1960-х–1970-х годов // *Славяноведение*. 2008. № 3. С. 60–75.
- Славяне и Россия: проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI вв. / отв. ред. С.И. Данченко. М.: Институт славяноведения РАН, 2017.
- Стыкалин А.С.* Венгерский кризис 1956 года в исторической ретроспективе. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016.
- Стыкалин А.С.* Полемика советского посла и румынского функционера (март 1980 года) об освещении прошлого двусторонних отношений // *Славяноведение*. 2017. № 1. С. 12–30.
- Стыкалин А.С.* Хрущев и Тито: долгий разговор о Румынии (Ленинград, июнь 1964 г.) // *Studia Universitatis Moldaviae — Ştiinţe Umanistice*, N 10 (110). Chişinău, 2017. С. 243–259.
- Стыкалин А.С.* Эволюция официальных советских оценок венгерского кризиса 1956 г. в условиях смены политических систем в Восточной Европе и пересмотра «доктрины Брежнева» // *Выбор пути развития: польский и российский исторический опыт конца XX столетия* / отв. ред. Л.Е. Горизонтов. М.: Собрание, 2016. С. 259–280.
- 21 august 1968. Apoteoza lui Ceauşescu / Coord. L. Betea. Iaşi: Polirom, 2009.
- Anton M.* Ieşire din cerc. Bucureşti: Institutul Naţional pentru studiul totalitarismului, 2007.
- Anton M.* Miza unei dizidenţe. Relaţiile româno-sovietice şi criza din Orientul Mijlociu. Iunie 1967 // *Revista Istorică*. 2007. N 3–4. P. 229–236.
- Anton M.* The First Brezhnev-Ceauşescu Confrontation. Moscow, September, 1965 // *Totalitarian Archives*. 2002. N 1–2. P. 277–286.
- Căţănuş D.* Romania — Another Czechoslovakia? The Prospect of a Soviet Invasion and the Question of Foreign Support, 1968 // *Arhivele Totalitarismului*. 2011. N 3–4. P. 173–184.

- Garthoff R.L. When and Why Romania distanced itself from the Warsaw Pact // Cold War International History Project Bulletin. Woodrow Wilson International Center for Scholars, Washington, D. C. 1995. Issue 5. P. 111.
- Kedves, jó Kádár elvtárs! Válogatás Kádár János levelezéséből. 1954–1989 / Szerk. Huszár T. Budapest: Osiris, 2002.

References

- Anton, M., 2002. The First Brezhnev-Ceaușescu Confrontation. Moscow, September, 1965. *Totalitarian Archives*, 1–2, pp. 277–286.
- Anton, M., 2007. *Ieșire din cerc*. București: Institutul Național pentru studiul totalitarismului.
- Anton, M., 2007. Miza unei dizidențe. Relațiile româno-sovietice și criza din Orientul Mijlociu. Iunie 1967. *Revista Istorică*, 3–4, pp. 229–236.
- Betea, L., ed., 2009. *21 august 1968. Apoteoza lui Ceaușescu*. Iași: Polirom.
- Cătănuș, D., 2011. Romania — Another Czechoslovakia? The Prospect of a Soviet Invasion and the Question of Foreign Support, 1968. *Arhivele Totalitarismului*, 3–4, pp. 173–184.
- Danchenko, S.I., ed., 2017. *Slaviane i Rossiia: problemy voiny i mira na Balkanakh. XVIII–XXI vv.* [The Slavs and Russia. The Problems of War and Peace in the Balkans. XVIII–XX centuries]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN.
- Garthoff, R.L., 1995. When and Why Romania distanced itself from the Warsaw Pact. *Cold War International History Project Bulletin. Woodrow Wilson International Center for Scholars, Washington D. C.*, Issue 5, p. 111.
- Huszár T., ed., 2002. *Kedves, jó Kádár elvtárs! Válogatás Kádár János levelezéséből. 1954–1989*. Budapest: Osiris.
- Israelian, V.L., 1990. 105-e veto Sovetskogo Soiuzu [The 105-th veto of the USSR]. *Mezhdunarodnaia zhizn'* [The International Life], 10, pp. 125–126.
- Khavanova, O.V., ed., 2017. *Vynuzhdennoe sosedsstvo — dobrovol'noe prisposoblenie v diplomaticheskikh i mezhnatsionalnykh otnosheniakh v Tsentral'noi, Vostochnoi i Iugo-Vostochnoi Evrope* [Forced Neighborhood and Voluntary Accommodation in Diplomatic and Interethnic Relations in Central, Eastern and Southeastern Europe]. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriia.
- Latysh, M.V., 1998. “Prazhskaia vesna” 1968 g. i reaktsiia Kremliia [The Prague Spring of 1968 and the Reaction of the Kremlin]. Moscow: [s.n.].
- Murashko, G.P., ed., 2010. 1968 god. “Prazhskaia vesna”. *Istoricheskaiia retrospektiva* [1968. “The Prague Spring”. The Historical Retrospective]. Moscow: ROSSPEN.
- Romanenko, S.A., 2008. “Khorvatskaia vesna” i sovetsko-iugoslavskie otnosheniia na rubezhe 1960-kh–1970-kh godov [“The Croatian Spring” and the Soviet-Yugoslavian Relations in the late 1960-es–early 1970-es]. *Slavianovedenie*, 3, p. 60–75.
- Stykalin, A.S., 2016. Evoliutsiia ofitsial'nykh sovetskikh otsenok vengerskogo krizisa 1956 g. v usloviakh smeny politicheskikh sistem v Vostochnoi Evrope i peresmotra “doktriny Brezhneva” [The evolution of the Official Soviet Assessments of the 1956 Hungarian Crisis in the Context of a Change in Political Systems in Eastern Europe and a Revision of the “Brezhnev Doctrine”]. In: Gorizontov, L.E., ed.,

2016. *Vybor puti razvitiia: pol'skii i rossiiskii istoricheskii opyt kontsa XX stoletii* [Choice of a development path: Polish and Russian historical experience of the end of the 20th century]. Moscow: Sobranie, pp. 259–280.
- Stykalin, A.S., 2016. *Vengerskii krizis 1956 goda v istoricheskoi retrospektive* [The 1956 Hungarian Crisis in the Historical Retrospective]. Moscow: Universitet Dmitriia Pozharskogo.
- Stykalin, A.S., 2017. Khrushchev i Tito: dolgii razgovor o Rumynii (Leningrad, iun' 1964 g.) [Khrushchev and Tito: The Long Conversation about Romania (Leningrad, June 1964)]. *Studia Universitas Moldaviae — Științe Umanistice*, 10 (110), pp. 243–259.
- Stykalin, A.S., 2017. Polemika sovetskogo posla i rumynskogo funktsionera (mart 1980 goda) ob osveshchenii proshlogo dvustoronnikh otnoshenii [The Polemics of the Soviet Ambassador and the Romanian Functionary concerning the Reflection of the Past in the Relations between two countries]. *Slavianovedenie*, 1, pp. 12–30.